

ИВАН КОЧЕВ

Иван Конев

Без **ВОЙНЫ**
и на ВОЙНЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8
К64

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

В книге использованы фотографии
из архива Фонда памяти полководцев Победы

Отдельную благодарность издательство выражает президенту Фонда
Наталии Ивановне Коневой

Издательство благодарит Наталию Ивановну Коневу
за предоставленные фотографии из личного архива

Фотографии на обложке
Григория Вайля, Георгия Хомзора, Николая Новака

Конев И.С.,

К 64 Без войны и на войне / Иван Конев. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2022. — 288 с.: [32 ил.] — (Проза истории).

ISBN 978-5-17-147766-0

Книга основана на дневниковых записях и письмах легендарного полководца, маршала Победы — Ивана Степановича Конева.

Эти материалы впервые опубликованы благодаря кропотливому труду его дочери, Наталии Ивановны Коневой, которая расшифровала и дополнила мемуары отца своими личными воспоминаниями и ощущениями.

УДК 929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-147766-0

© И.С. Конев, наследник, 2022
© Н.И. Конева, текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Рассказывая в этой книге о людях и событиях, как военных, так и мирных, в некоторой степени личных, связанных с историей нашей семьи и всего рода Коневых, я с особым чувством произношу это строгое и такое значительное слово «отец», вкладывая в него не только свою любовь, но и уважение, и осознание масштаба личности Ивана Степановича Конева.

«Отец» — это и ассоциация с его любимым романом «Война и мир», в частности той сценой, когда Андрей Болконский посещает своего отца. Трудно вообразить, что стиль общения этих людей мог быть иным.

В нашей повседневной жизни я называла его просто папа, он меня лаконично Наташа, а в письмах — «дорогая дочь». Когда же отец начал прибалывать и у меня появился страх его потерять, я стала говорить «папочка». Хотелось длить и длить эти годы, месяцы, дни, проведенные с ним рядом. Когда я замечала его телесное угасание, у меня от страха замирало сердце. Хотя сознание отца было в полном

порядке, он старался успеть рассказать о важном, переломном, не разминиваясь на мелкие детали.

В течение работы над книгой, мне приходилось тесно соприкасаться с миром «большой истории», что требовало взгляда на многие события с определенной временной дистанции, поэтому я зачастую называла отца просто по фамилии — Конев.

Я выступаю всего лишь как повествователь, рассказывая о том, что мне известно со слов отца, мамы, близких и друзей семьи. В своей книге я широко использую отрывки из дневников и мемуаров отца. Большинство из них не были ранее опубликованы.

Мне было очень важно обратить особое внимание на те эпизоды жизни Ивана Степановича Конева, которые воссоздают портрет человека, воплотившего черты уникального, на мой взгляд, поколения. Поколения, которое участвовало в двух мировых войнах.

Но Конев был не только выдающимся полководцем. На протяжении всей жизни ему приходилось взаимодействовать с людьми, которые вершили судьбы нашей страны: Конев и Сталин, Конев и Хрущев, Конев и Жуков... Воспоминания и впечатления от этих встреч вы также найдете в книге.

В последний год жизни отец подарил мне только что вышедшую из печати книгу своих мемуаров «Записки командующего фронтом» с дарственной надписью, исполненной глубокого смысла, теперь она выглядит как своего рода завещание. Меня, двадцатилетнюю, сам текст книги тогда воодушевить не мог: военные мемуары, без соответствующих знаний, —

сложное чтение. Погружаться в серьезные материи в студенческие годы я была еще не готова, оправдывала себя тем, что со временем прочитаю-таки эти мемуары и смогу разобраться в том, что отец передавал нам как свое наследие. Так и вышло. Сегодня изучение написанных отцом книг стало важным делом моей жизни. Я неплохо ориентируюсь в емком архиве отца и время от времени погружаюсь в детали того или иного события, о котором идет речь в его воспоминаниях. Испытываю особую радость, если нахожу какие-то эпизоды, которые до сих пор не были известны. Случается, что разбирая рукописи и записные книжки, наталкиваюсь на удивительные, даже неожиданные послания: словно, спустя много лет, отец решил приоткрыть какие-то моменты своего бытия, и, обращается ко мне, повзрослевшей, приглашая к диалогу.

Так, например, я обнаружила фрагмент его размышлений о Толстом и совете в Филях из уже упомянутого мной романа Льва Толстого. Я хорошо помню, что отец сопоставлял события нашей первой Отечественной войны 1812 года, с теми что происходили на подмосковных полях осенью 1941 года. И в которых ему довелось участвовать. Сопоставлял, анализировал, эмоционально откликался. В тот период он был погружен в работу над статьей о битве за Москву. События тех дней он считал важнейшими в своем формировании как полководца.

А недавно я обнаружила записную книжку, почти не заполненную какими-либо заметками, и уже

собиралась отправить ее в дальний архив, как мое внимание привлек знакомый угловатый коневский почерк и любопытный текст. Он был о Сталине...

Конев написал о нем в середине 1960-х годов, когда готовил к печати свои мемуары «Сорок пятый год», и даже сделал отдельную главу «О Сталине», но разрешение на публикацию из ЦК он так и не получил. Пришел ответ: пока не желательно. Сегодня у читателей есть возможность познакомиться с этими воспоминаниями свидетеля эпохи, очень, кстати, сдержанного в оценках. Недаром стиль, выбранный отцом, — это стиль исторических хроник: он описывает только то, что сам видел и сам пережил.

В найденной записной книжке содержится оценка Коневым личности Сталина глазами югославского генерала Джиласа, с которым советский маршал встречался в 1944 году, когда войска 2-го украинского фронта находились в Северной Румынии. Вот что об этом пишет сам Джилас: «Когда я встретил маршала Конева — одного из главных сталинских командиров военного времени, имевшего репутацию человека сверхчеловеческой смелости и присутствия духа, я попытался выяснить некоторые особенно интересовавшие меня вопросы.

... А Сталин? — спросил я. Стараясь не показать удивления по поводу моего вопроса, Конев после короткого раздумья ответил: “Сталин всесторонне одарен. Он обладает блестящей способностью видеть войну в целом и это позволяет ему столь успешно руководить”. Он не сказал мне более ничего, ни-

чего, что могло бы прозвучать шаблонным прославлением Сталина...».

Подобные «послания», кроме несомненной исторической значимости, оттеняют особенности личности самого отца, которого я, будучи поздним ребенком, знала уже не молодым, в его «осень жизни». Они привносят знания, которые по прошествии лет становятся для меня все драгоценнее. Например, в пачке листов о роли комиссара дивизии я нашла любопытный эпизод, повествующий о службе отца в далеком, как он выразился, «захолустном» гарнизоне в городе Р., в Белоруссии (тут никак не обойтись без оглядки на «Поединок» Куприна, который также был в списке почитаемых отцом литературных произведений).

«...Сами понимаете, какая там была культура, в этом городке, поэтому ее носителями в полном смысле слова являлись наши воинские части и те клубы, которые были при воинских частях. Мы собирали офицеров, их семьи в клуб не только в праздничные дни, а иногда и после работы, чтобы люди могли вместе провести весело время, чтобы произошла какая-то разрядка, чтобы и начальство, и подчиненные одинаково хорошо себя чувствовали, не было, так сказать, никакой робости.

И вот, когда я собрал такой первый вечер в гарнизоне, пришел на него, — увидел скованность невероятную: люди расселись вдоль стен, каждый офицер со своей супругой, — сидят, друг на друга смотрят и не знают, что предпринять.

Я не считаю себя ни массовиком, ни танцором, но я, как командир дивизии, лицом в грязь ударить не мог. Я взял и пригласил жену командира полка танцевать.

И стоило мне это сделать, как все остальные последовали моему примеру — и дело пошло, веселья, хоть отбавляй! А потом и до “русской” дело дошло. “Русскую”, кстати, я танцевал очень неплохо — тут уж я показал им класс. А потом можно и побеседовать с людьми, выслушать их мысли, пожелания и необязательно в официальном порядке, а в дружеском, товарищеском. Можно и пошутить, кого-то пожурить, поддержать и поставить в пример.

В последующем таких вечеров наши офицеры и их семьи с нетерпением ждали: будет ли следующий, придет ли командир дивизии?

Вспоминаю об этом с улыбкой, но это важно и в наши дни: командир не должен быть черствым, высокомерным и смотреть на людей свысока*.»

Уважение к людям — это тот совет, которому я всегда стараюсь следовать. Уважительное отношение к людям отец пронес через все войны. Неслучайно такой бескомпромиссный автор, как фронтовик Виктор Астафьев, признавался в одной из своих повестей, что когда Конев сменил другого командую-

* Здесь и далее стиль и пунктуация И. С. Конева сохранены. — *Прим. авт.*

щего, их, солдат, стали и одевать получше, и получше кормить. А один из заместителей Конева впоследствии вспоминал, что, приняв командование 1-м Украинским фронтом, командующий тут же решил отправиться в войска, чтобы своими глазами, а не по донесениям, посмотреть, что там происходит, познакомиться с людьми, с которыми потом доведется вместе воевать.

Отправился, уехал, улетел, сел в танк — я довольно часто обнаруживаю такие, полные динамики, чьи-то воспоминания о встречах с отцом на войне. Он был человеком чрезвычайно энергичным, стремительно передвигался по дорогам войны, чаще на «виллисе», который считался на фронте очень маневренной машиной. Даже в текстах приказов фигурировало слово «стремительность»: во время проведения Берлинской операции он требовал от подчиненных «смелого маневра и стремительности в действиях».

Немецкий генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн, противник Конева на полях сражений, оставил для истории свое воспоминание о командовании Степным фронтом: «В течение всего октября Степной фронт противника, командование которого было, вероятно, наиболее энергично, перебрасывал все новые и новые силы на плацдарм, захваченный им южнее Днепра».

Не могу не упомянуть и рассказ писателя Саввы Дангулова, служившего военкором во время боев на Украине. Дангулов рассказывал, что после завершения Корсунь-Шевченковской операции он увидел

командующего фронтом Конева, который: «...Надев кожанку, пошел через заснеженный двор к танку, что казалось, стоял наготове, ожидая его. Звучит слово “вперед!”». К слову, ветераны-гвардейцы как-то написали отцу, что между собой так любовно и называли его — «наш генерал “вперед!”».

Уже в 1960-е годы, рассуждая с трибуны о ритме работы Министерства обороны, он заявил: «Темпы в работе в наше время должны быть значительно выше и соответствовать тем современным силам и средствам, мощь которых рассчитана на быстроту и безотказность действий. Затишье и благодушие недопустимы».

Подвижность, нацеленность на действие были природными чертами Конева. Иван Степанович был молод душой, и поэтому в конце жизни естественной потребностью для него стала поддержка молодежного движения (сродни нашему поисковому) — Штаба походов по местам боевой и трудовой славы. Отец проезжал по бездорожью на вездеходе многие километры и возвращался из поездок загорелый, бодрый, с молодым блеском в глазах.

И это тоже папина школа. Он всегда мне внушал, как важно в жизни состояться, трудиться и добиваться...

Храбрость, воля, энергия — несомненно важные качества командующего, но самое главное — настаивал отец — это умение управлять боем, военное искусство, которое требует, в том числе, вдохновения. Эти качества довольно часто упоминаются в его мемуарах.

Мне нравится образ, который однажды использовал отец, сопоставив командующего фронтом с дирижером большого симфонического оркестра. Дирижер хорошо понимает, в какой момент должны звучно проявить себя духовые, вся медь оркестра, а потом вступить флейты и кларнеты, в каком месте должны выводить мелодию скрипичные инструменты. Так и комфронта — он мастер маневра, у него каждый «инструмент», каждый род и вид войск вступает вовремя, добиваясь мощных победных аккордов...

Я всегда ощущала неподдельное восхищение отца талантами людей, причастных к созиданию нашей культуры, благодарна ему за возможность познакомиться с яркими личностями той эпохи. Уважение к творческим людям далеко не в последнюю очередь послужило для отца отправной точкой в создании собственных мемуаров.

В 1960-е годы в стране стали активно отмечать юбилеи Победы. Война, отдаляясь во времени, породила у фронтовиков желание обобщить свой опыт, создать живую летопись событий. Настало время воспоминаний, их писали в те годы и солдаты, и генералы, участники боевых действий и тыловики. Созревший в обществе интерес к мемуарам, в том числе крупных полководцев, очень тонко ощутил тогдашний главный редактор журнала «Новый мир» Александр Трифонович Твардовский. Он с большой симпатией относился к отцу и присылал в знак уважения свои поэтические сборники. Сближало их и то, что отец в 1941-м воевал на Смоленщине, а Твардовский был

уроженцем этих мест, и они, встречаясь, вспоминали минувшее. Отцу нравился созданный Твардовским герой — Василий Теркин. В его кабинете висела вышитая шелком картина Юрия Непринцева «Отдых после боя», на которой неунывающий ни при каких обстоятельствах солдат подбадривает бойцов своими историями. В одном из присланных Твардовским сборнике есть надпись: «Прославленному полководцу, национальному герою Родины с признательностью за доброе слово об этой книге».

В 1965 году, незадолго до празднования 20-летия Победы к отцу пришел Константин Симонов, который в то время работал в «Новом мире» у Твардовского, и предложил написать мемуары о войне для майского номера журнала. Отец поначалу засомневался и стал отказываться: я, дескать, солдат, а не писатель. Но Симонов настоял и предложил отцу не записывать, а наговаривать воспоминания на диктофон. Вы, мол, сначала наговорите, Иван Степанович, что считаете важным, а машинистка расшифрует и напечатает, потом останется только отредактировать текст. Именно таким методом нередко пользовался сам Симонов. Отец поддался на уговоры, но предложил Константину Михайловичу начать с интересующих его вопросов о войне. И вот потянулась череда насыщенных трудами дней, заинтересованными свидетелями которых были мы с мамой. Довольно регулярно раздавался звонок в дверь, появлялся Симонов в своем вязаном черном свитере, с трубкой, которую он посасывал, а не курил, в знак уважения

к некурящему хозяину, проходил в кабинет, и там начинались долгие беседы. Точнее, отец рассказывал, а Симонов оставался внимательным и чутким слушателем, время от времени подбрасывал острые вопросы. У меня до сих пор в архиве хранятся записи этих бесед. Отец доверял этому уравновешенному, рассудительному и хорошо осведомленному человеку. Видимо, Симонов откладывал в памяти и что-то для себя, для своих будущих книг. Уже после смерти писателя вышла книга «Глазами человека моего поколения», один из разделов которой — беседы с маршалом Коневым.

Впоследствии отец воспользовался методом Симонова. Будучи уже весьма нездоровым, он приступил к созданию второй книги мемуаров — «Записки командующего фронтом». Эта книга повествует о крупнейших операциях 1943–1944 годов, начиная с Курской битвы, в которой он командовал Степным фронтом, и заканчивая событиями, связанными с освобождением нашей страны и выходом на государственную границу на реке Прут.

На подготовку второй книги отцу пришлось потратить немало усилий. Помогали опытные редакторы, но ему все же требовалось посещать архивы, перечитывать множество документов, а он был уже болен. В 1972 году в издательстве «Наука» вышел в свет долгожданный том «Записок». Эта книга более сдержанная по интонации, чем «Сорок пятый». Отец оценивает действия фронтов, которыми ему довелось командовать, размышляет о стратегии, о свое-